

РАНЕСАРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ КУРГАННОЙ ГРУППЫ КЕНЫШ 3 В КАЗАХСТАНСКОМ ПРИТОБОЛЬЕ¹

© 2021 г. А.М. Сеитов, Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова

В статье впервые в научный оборот вводятся материалы кургана раннесарматского времени, исследовавшегося Тургайской археологической экспедицией Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова под руководством В.Н. Логвина и С.С. Калиевой в полевом сезоне 1995 г. Земляной курган до начала раскопок имел диаметр 25 м и высоту 1,25 м. Он был окружен кольцевым рвом диаметром 31 м. В насыпи зафиксированы фрагменты деревянной шатровой конструкции. Под курганом обнаружено парное захоронение. Инвентарь представлен железными мечом и кинжалом, бронзовыми втульчатыми и железными черешковыми наконечниками стрел, костяными и железными пряжками и фрагментами деревянной посуды. Погребение относится к концу раннесарматской культуры (II в. до н.э.). Авторами затронута проблема происхождения и распространения традиции деревянных шатровых перекрытий.

Ключевые слова: археология, Казахстанское Притоболье, Кеныш 3, раннесарматская культура, курган, погребение, шатровые перекрытия.

Введение.

В археологии раннего железного века Казахстана и степей Евразии ввод в научный оборот нового материала всегда является актуальным (см., напр.: Бейсенов, Джумабекова, 2017; Лукпанова, 2017).

В настоящей статье анализируются материалы одного из двух объектов курганной группы Кеныш 3, датированного эпохой раннего железа. Исследования проводились в связи с расширением границ карьера (Базарбаева, Подзюбан, 1997; Сеитов, 2017).

Памятник находился у южной кромки Лисаковского карьера, в 7 км к ЮЗ от г. Лисаковска (Костанайская обл., РК). В географическом районировании это территория Тургайского прогиба (рис. 1) (Бобоедова, 1971, с. 18–25).

Описание материала. Курган № 1 сооружен из земли, диаметр – 25 м, высота – 1,25 м, окружен кольцевым рвом; его диаметр – 31 м, ширина до 1 м, глубина до 0,95 м (рис. 2). В центре насыпи фиксируется провал,

образованный грабительскими перекопами. Курган нарушен современными впускными погребениями, совершенными в 1940-е годы. В насыпи фиксировались фрагменты шатровой конструкции диаметром 9 м (сохранность древесины очень плохая; определение породы не проводилось – прим. авт.). Северо-восточнее от центра насыпи на глубине 0,87 м обнаружен череп лошади. В центре подкурганной площадки на глубине 0,40 м от древней поверхности зафиксировано пятно подпрямоугольной в плане могильной ямы с закругленными углами (4,25×3,25 м), ориентированной по линии СЗ–ЮВ. В СЗ секторе ямы на глубине 1,9 м от древней поверхности обнаружено парное захоронение. Положение умерших – вытянуто на спине, руки вдоль тела, головами на юг с небольшим отклонением к западу (рис. 3: 1). Под костяками и по их контурам прослеживался сиреневатый и черный тлен. Погребенные условно обозначены как «южный» и «северный».

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

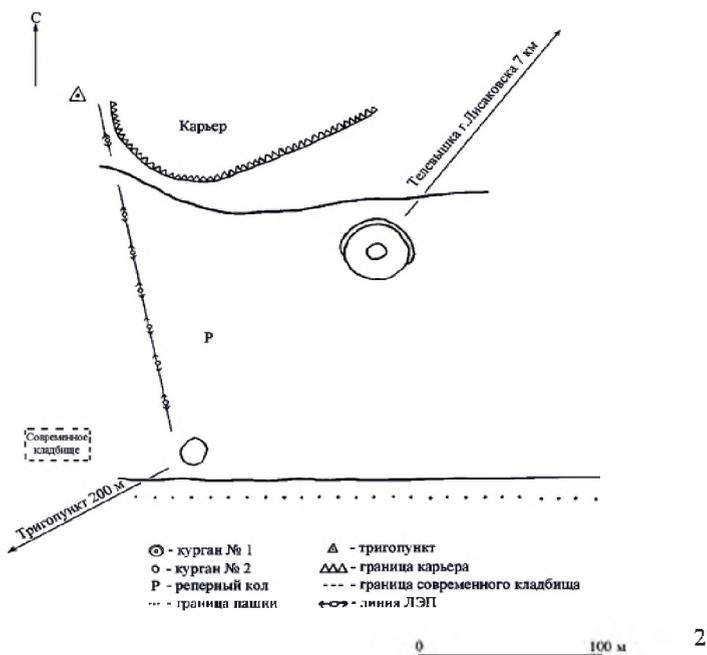
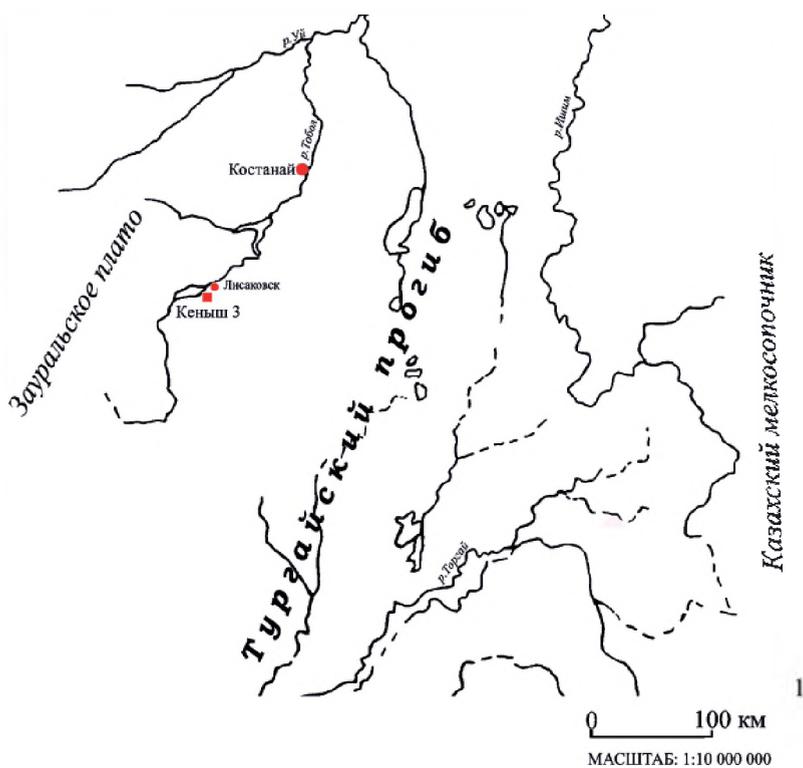

Рис. 1. Кеныш 3. 1 – локализация памятника; 2 – ситуационный план.
 Fig. 1. Kenysh 3. 1 – localization of the monument; 2 – situational plan.

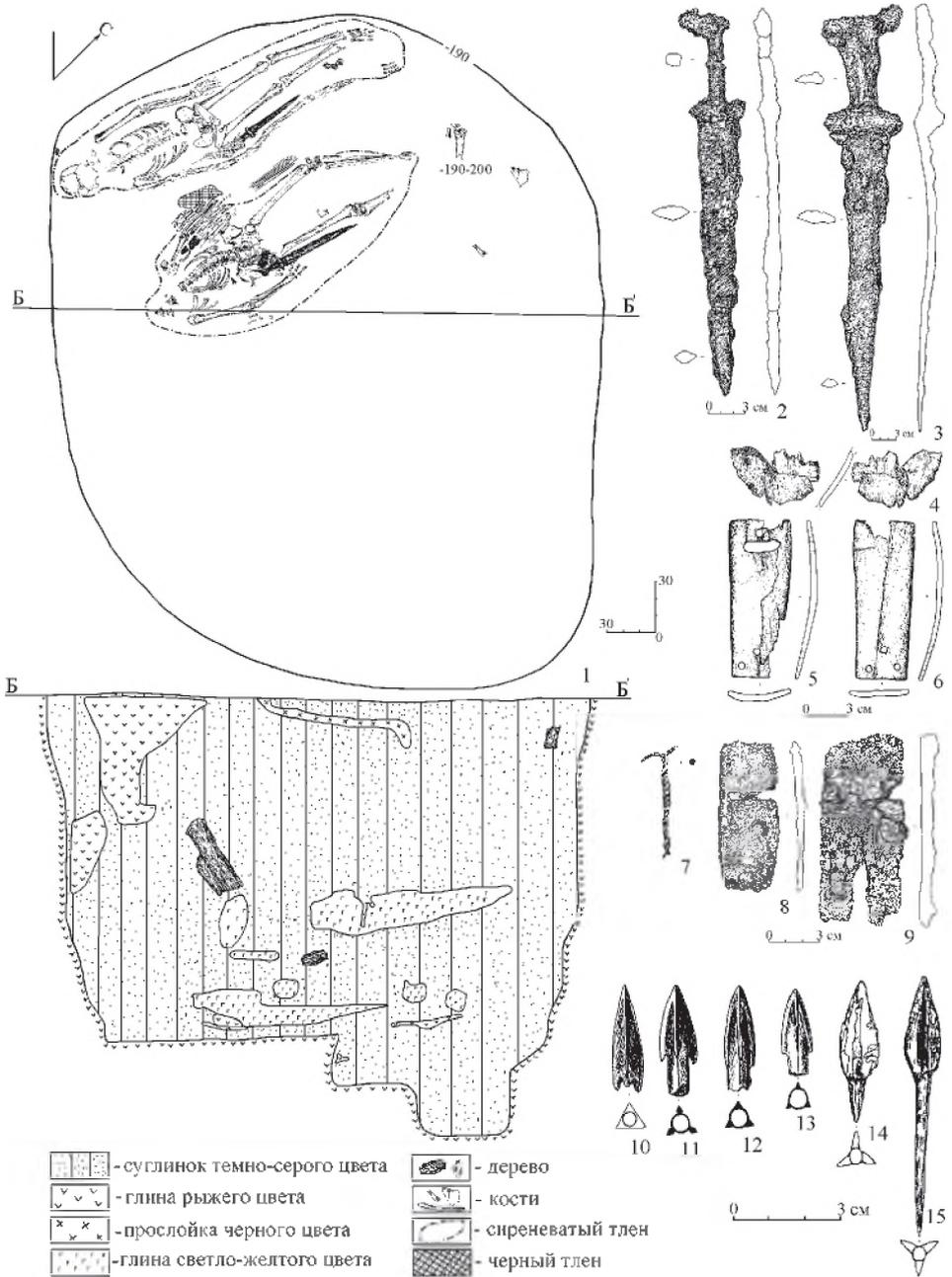

Рис. 3. Кеныш 3, к. 1. 1 – план и профиль могильной ямы; 2 – кинжал; 3 – меч; 4 – фрагмент деревянной посуды, скрепленный бронзовыми скрепами; 5–6 – пряжки; 7 – проволока; 8–9 – пластины; 10–15 – наконечники стрел. 2–3, 8–9, 14–15 – железо; 7, 10–13 – бронза; 5–6 – кость.

Fig. 3. Kenysh 3, mound no. 1. 1 – plan and profile of the grave pit; 2 – dagger; 3 – sword; 4 – a piece of wooden utensils fastened with bronze wires; 5–6 – buckles; 7 – wire; 8–9 – plates; 10–15 – arrowheads. 2–3, 8–9, 14–15 – iron; 7, 10–13 – bronze; 5–6 – bone.

короткими черешками (рис. 3: 14–15); остриями они направлены к верхней части погребенного. Справа под ребрами обнаружены два бронзовых наконечника стрел, и еще один найден у правого предплечья (рис. 3: 11–13). Наконечники – трехлопастные, с выступающей втулкой и лопастями, срезаемыми под разным углом; длина от 2,39 до 2,98 см. У колена правой ноги находился кусочек гипса.

С правой стороны бедренной кости «северного» костяка находился железный кинжал длиной 31 см с прямым перекрестием и рожковидным навершием (рис. 3: 2). На тазовых костях обнаружены две костяные подпрямоугольные пластинчатые пряжки, выпукло-вогнутые в сечении (по мнению Л.Л. Гайдученко, изготовлены из рога оленя). Размеры первой, с правой стороны тазовой кости, – 10,8×4,3×0,4 см (рис. 3: 5); второй, с левой стороны, – 10,9×4×0,3 см (рис. 3: 6). Они, по видимому, полностью пришивались к поясу, в котором затем проделывалось овальное отверстие для пропуска конца ремня.

Под ребрами с левой стороны найден бронзовый трехгранный наконечник стрелы длиной 2,87 см с внутренней втулкой и опущенными вниз шипами (рис. 3: 10). Возле правой голени обнаружен фрагмент деревянного изделия (вероятно, сосуда), скрепленный бронзовыми скрепами (рис. 3: 4, 7). Слева от ребер замечены крупинки алого цвета. Местонахождение бронзовых наконечников, возможно, свидетельствует о том, что погребенные были убиты этими стрелами.

В кургане № 1, судя по инвентарю, погребены воины.

Анализ материала. Типы клинкового оружия из погребения типичны

для раннесарматской (прохоровской) культуры (Мошкова, 1963, с. 34; табл. 18–19; Скрипкин, 1990, рис. 19; 20: 1–16; Гуцалов, 2004, табл. 16: 23, 24). Сочетание небольшого числа бронзовых втульчатых с подавляющим количеством железных трехлопастных наконечников стрел характерно для раннесарматской культуры III–II вв. до н. э. (Мошкова, 1974, с. 11; Скрипкин, 1990, с. 134–170; Клепиков, 2000, с. 99–100). Железные пластины, возможно, относятся к поясной гарнитуре. Они имеют сходство с пряжками из Средней Азии (Мандельштам, 1992, табл. 42, 22) и Южного Приуралья последних веков до н.э. (Гуцалов, 2004, табл. 27, 9–11).

Уточнить хронологию погребения Кеныш 3 позволяют поясные костяные пряжки. Подобные изделия датируются II–I вв. до н. э., о чем свидетельствуют многочисленные аналогии от Волго-Донья на западе до Северного Китая на востоке (Скрипкин, 2000, рис. 6). Больше всего такие пряжки известны в памятниках хунну Забайкалья II–I вв. до н. э. (Давыдова, 1995, табл. 37: 2; 53: 7; 96: 16; 148: 7; 182: 7, 10; 1996, табл. 40: 3; Миняев, 2007, табл. 36: 1–2; 98: 2; 113: 8).

Такие признаки, как меридиональная ориентировка могилы, положение погребенных вытянуто на спине, головой на юг, «атакующая поза», сопоставимы с раннесарматской погребальной традицией (Смирнов, 1964, с. 91–92, 94; Мошкова, 1963, с. 21–22; 1974, с. 11). Шатровые сооружения характерны для погребений военно-жреческой элиты предшествующего «савроматского» времени и почти не встречаются после IV в. до н. э. (Мышкин, 2013, с. 224). С.Ю. Гуцалов отмечает, что в III–I вв. до н. э. в Южном Приуралье деревян-

ные конструкции под насыпью исчезают, основные захоронения уменьшаются и абсолютно преобладают впускные (Гуцалов, 2004, с. 109–110).

Отдельно следует остановиться на анализе деревянных шатровых перекрытий, под которыми понимаются надмогильные сооружения из радиально расходящихся от центра бревен (Исмагилов, Сунгатов, 2013). Такие конструкции встречаются в памятниках Южного Урала и Западного Казахстана второй половины VI–IV в. до н. э.: Бесоба, Сынтас, Филипповка, Переволочан, Альмухаметово, Новый-Кумак, Лебедевка (V и VII), Кырык-Оба II, Акжар II, Уркач 1, Биш-Уба-1, Булатово-2 и др. (Кадырбаев, 1984, с. 85–86; Пшеничнюк, 1983, с. 90; 1995, с. 62–96; 2012, с. 66; Мошкова, 1972, с. 30–31, 41; Гуцалов, 2004, с. 94–102; 2007, с. 80; Исмагилов, Сунгатов, 2013, с. 55, 74). В Северном Казахстане это курган Кенес 1, датированный VI–V (IV) вв. до н. э., и курган 6 могильника Берлик (Хабдулина, 1976; 1994; 2017). Под влиянием кочевников урало-казахстанских степей подобные сооружения появляются в курганах гороховской и саргатской культур лесостепного Зауралья и Западной Сибири: Царев и Шмаковские (№ 5 и 6) IV–II вв. до н. э. (Генинг, 1993, с. 82–97, рис. 8: 11, 12), Богданово III (№ 1) V–III вв. до н. э. и др. (Могильников, 1992а; 1992б).

Шатровые деревянные сооружения пока неизвестны в восточной и южной части евразийской степи. Исключением, с определенной осторожностью, является знаменитый курган Аржан 1 в Туве, датированный рубежом IX–VIII вв. до н. э. (Чугунов, 2008, с. 223). Радиальное расположение бревенчатого наката отчасти напоминает шатровые сооружения

ранних кочевников (Грязнов, 1980, с. 9–15; Мандельштам, 1992, с. 181, табл. 71).

Такие сооружения не характерны и для Нижнего Поволжья (Смирнов, 1984, с. 27). В целом там почти не известно элитных курганов с деревянными надмогильными сооружениями (Очир-Горяева, 2014, с. 114–118). На Дону отмечены шатровые перекрытия в ряде курганов V–III вв. до н. э. Это Мастюгинский могильник, курган у с. Дуровка (Либеров, 1965, табл. 1–3; Смирнов, 1984, с. 27). По-видимому, ряд подкурганных захоронений могильников Сладковский, Шолоховский и Кашеевка были перекрыты деревянными конструкциями в виде шалаша (Максименко, 1983, с. 78).

Еще одним регионом бытования рассматриваемой традиции была Скифия. В Днепровской Правобережной Лесостепи к предскифскому времени относится курган у с. Квитки в Поросье (Ковпаненко, 1984, с. 112–113). Ряд курганов VII–V вв. до н. э. в бассейне р. Тясмин, в Поросье и на Южном Буге – с шатровыми сооружениями (Ковпаненко и др., 1989, с. 32–34; Ковпаненко, 1984, с. 107–113). В Северном Причерноморье шатровые сооружения открыты в курганах у с. Показовое и Подгорное (Ольховский, 1991, с. 40–41). Такие сооружения отмечены и в знаменитых курганах скифской аристократии на Кубани (Келермесский, Ульский и Костромской), относящиеся к VII в. до н. э. (Смирнов, 1966, с. 75–79; Скорый, 1987, с. 42).

Таким образом, существуют свидетельства о раннем распространении исследуемых сооружений в Евразии в регионах Северного Причерноморья, Прикубанья и Днепровской Лесостепи. В Южном Приуралье пока

самым древним памятником с шатровым перекрытием является курган 59 мог. Целинный, датированный второй половиной VII–VI в. до н. э. (Гуцалов, 2004, с. 93).

В целом, шатровидные конструкции следует рассматривать в контексте общего распространения сложных подкурганых сооружений из дерева различной конструкции и формы, имевших широкое распространение в степях Евразии как индикатор элитного военно-жреческого сословия древних кочевников. Истоки данной традиции, по-видимому, уходят еще в эпоху бронзы. Но только с началом раннего железного века в связи с усилением социальной дифференциации традиция сооружения деревянных гробниц приобретает выраженный и усложненный характер.

Что касается непосредственно шатровидных сооружений, трудно определить исходную территорию их возникновения. Не исключено, что изначально эта традиция зародилась в среде населения, оставившего памятники типа Аржан 1. По крайней мере, пока это единственный курган столь раннего времени с сооружением, похожим на шатровые перекрытия. Развитие этой традиции наблюдается на столетие позже в Скифии и еще на сто лет позже на Южном Урале. На определенную связь погребального сооружения Аржана 1 с раннекочевническими памятниками Скифии в контексте с другими компонентами культуры обращал внимание Д.Г. Савинов, указавший на реальность участия групп кочевников Центральной Азии в сложении ядра скифской культуры степей Восточной Европы (Савинов, 2002, с. 70–74). На сегодняш-

ний день большинство скифологов солидаризируются во мнении о хронологическом приоритете «восточной зоны степей в сложении основных компонентов культурного комплекса эпохи ранних кочевников» (Чугунов, 2008, с. 223).

Определенно можно сказать, что рассматриваемая традиция шатровых сооружений наибольшее развитие получила на Южном Урале и в Западном Казахстане, где во второй половине VI–V в. до н. э. сложилось мощное ядро савроматской археологической культуры.

Выводы. Таким образом, анализ погребального обряда и инвентаря погребения кургана № 1 курганной группы Кеньш 3 позволяет отнести его к концу раннесарматской культуры и датировать рубежом III–II вв. до н. э. Наиболее вероятной датой следует считать II в. до н. э., на что указывает хронология поясных пряжек. Погребальный обряд захоронения свидетельствует о том, что население, оставившее этот памятник, было сарматским в своей основе, имеющим родственные и преемственные связи с предшествующими кочевниками «савроматского» времени южноуральских степей. Это, в частности, подтверждается сохранением традиции шатровых перекрытий. В то же время наличие пряжек указывает на восточные связи. В сарматских памятниках конца I тыс. до н. э. наблюдается яркий пласт восточных инноваций в вооружении, поясной гарнитуре, предметах быта, украшениях, вызванных экспансией хунну и последующими политическими событиями начавшейся эпохи Великого переселения народов.

Благодарности. Выражаем искреннюю признательность В.Н. Логвину и С.С. Калиевой за возможность использования материалов курганной группы Кеныш 3.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Базарбаева Г.А., Подзюбан Е.В.* Курганная группа Кеныш-3 // Топорковские чтения. Вып. 3 / Отв. ред. А.И. Ивлев. Рудный: Руднен. индустр. ин-т, 1997. С. 376–381.
2. *Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С.* О древнем ритуале порчи предметов, используемых в обряде погребения кочевников // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 28–46.
3. *Бобоедова А.А.* Рельеф // Геология СССР. Т. XXXIV. Кн. 1. / Ред. А.М. Захаров. М.: Недра, 1971. С. 18–25.
4. *Генинг В.Ф.* Большие курганы лесостепного Притобоя (IV–II вв. до н.э.) // Кочевники урало-казахстанских степей / Отв. ред. А.Д. Таиров. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 72–101.
5. *Грязнов М.П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 64 с.
6. *Гуцалов С.Ю.* Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2004. 136 с.
7. *Гуцалов С.Ю.* Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2 (30). С. 75–92.
8. *Гуцалов С.Ю.* Об этнокультурной ситуации на территории Казахстана на рубеже VI–V вв. до н.э. // Археология Казахстана в эпоху Независимости: итоги, перспективы. Т. 2 / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 166–173.
9. *Давыдова А.В.* Иволгинский археологический комплекс. Т. I. Иволгинское городище. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1995. 286 с.
10. *Давыдова А.В.* Иволгинский археологический комплекс. Т. II. Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 176 с.
11. *Исмаилов Р., Сунгатов Ф.А.* Памятники яицкой культуры последней четверти V–IV вв. до н.э. на Южном Урале. Уфа: Белая река, 2013. 223 с.
12. *Кадырбаев М.К.* Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 84–93.
13. *Клепиков В.М.* К проблеме выделения сарматских памятников в III в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 2000. С. 97–107.
14. *Ковпаненко Г.Т.* «Червона могила» у с. Флярковка // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 107–113.
15. *Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифского времени Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка, 1989. 336 с.
16. *Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону / САИ. Вып. Д1-31. М.: Наука, 1965. 111 с.
17. *Лукпанова Я.А.* Реконструкция женского костюма из элитного погребения Таксай-1: взгляд археолога // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 145–156.
18. *Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Ростов. ун-т, 1983. 224 с.
19. *Мандельштам А.М.* Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 178–196.
20. *Миняев С.С.* Дырестуйский могильник // Археологические памятники сюнну. СПб.: Филфак СПбГУ, 2007. Вып. 3. 233 с.
21. *Могильников В.А.* Гороховская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992а. С. 283–291.

22. *Могильников В.А.* Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992б. С. 292–311.
23. *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д1-10 / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1963. 55 с.
24. *Мошкова М.Г.* Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972. С. 27–48.
25. *Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.
26. *Мышкин В.Н.* Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н.э. // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 1. С. 219–225.
27. *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 256 с.
28. *Очир-Горяева М.А.* Культура кочевников Нижнего Поволжья скифского времени: общее и особенное // Поволжская археология. 2010. № 4 (10). С. 106–131.
29. *Пишеничюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 199 с.
30. *Пишеничюк А.Х.* Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: Гилем, 1995. С. 62–96.
31. *Пишеничюк А.Х.* Филипповка: некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
32. *Савинов Д.Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: СПбГУ, 2002. 204 с.
33. *Сеитов А.М.* Древние кочевники Тургая середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха / Отв. ред.: Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. С. 182–206.
34. *Скорий С.А.* Про скифський етнокультурний компонент у населення Дніпровського Лісостепоного Правобережжя // Археологія. 1987. Вип. 60. С. 36–49.
35. *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.
36. *Скрипкин А.С.* Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 2000. С. 17–40.
37. *Смирнов А.П.* Скифы. М.: Наука, 1966. 100 с.
38. *Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.
39. *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984. 184 с.
40. *Хабдулина М.К.* Курган раннего железного века у села Кенес // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 196–201.
41. *Хабдулина М.К.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.
42. *Хабдулина М.К.* Итоги изучения улубай-гасмолинской культуры Северной Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Хикари, 2017. С. 35–58.
43. *Чугунов К.В.* Центральная Азия и Южная Сибирь в начале эпохи ранних кочевников (вопросы хронологии памятников и синхронизация культур) // Культура народов Центральной Азии / Отв. ред. Ш.Р. Пидаяев. Самарканд: МИЦАИ, 2008. С. 223–228.

Информация об авторах:

Сеитов Абай Мейрамович, научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова (г. Костанай, Казахстан); sajrim@mail.ru

Базарбаева Галия Аппазовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Маргулана; КазНУ им. аль Фараби (г. Алматы, Казахстан); galiya2002@gmail.com